

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

НАЕМНИЧЕСТВО В ТАРЕНТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IV – НАЧАЛЕ III ВЕКА ДО Н. Э.

Д. В. Бубнов

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Рассматривается вопрос об особенностях использования наемной военной силы Тарентом во второй половине IV – начале III в. до н. э. Материал позволяет сделать вывод о том, что этот город с середины IV в. до н. э. вынужден был содержать постоянный наемный отряд, что должно было компенсировать сокращение числа граждан-землевладельцев, составлявших основу гражданского ополчения, а также обеспечить опору тарентской олигархии в моменты обострения внутри политической ситуации в полисе.

Использование в военном деле наемников стало в Греции в IV в. до н. э. повсеместным. Это явление можно считать одной из примет той эпохи греческой истории, которая связана с кризисом классического полиса. Мир западных греков не составил в этом отношении исключения: социально-экономические и политические конфликты в самих полисах и войны с внешним врагом, сопровождавшиеся распространением изгнанничества и формированием тиранических режимов, обеспечивали благоприятные условия для развития наемничества.

В западной части греческого мира наиболее богатый опыт использования наемных войск имели Сиракузы периода тирании Дионисиев. Однако обращение к исследованию наемничества на примере не территориальной предэллинистической державы, какой было государство Дионисиев, а отдельного западногреческого полиса может способствовать выявлению как особенностей кризиса в конкретном полисе, связанных с распадом гражданского коллектива, который обусловил, в частности, рост потребности в дополнительной военной силе, так и характерных черт самого явления наемничества в западной части греческого мира. Исходя из сказанного, объектом изучения наемничества в Великой Греции может быть избрана история Тарента во второй половине IV – начале III в. до н. э. В этом случае речь будет идти не об использовании наемников территориальной державой наподобие сицилийской державы Дионисиев, располагавшей достаточными материальными ресурсами для их содержания, но о поддержке наемных отрядов одним, пусть даже и круп-

ным, полисом¹. Эта особенность тарентского наемничества наряду с причинами его появления и целями использования требует специального изучения. Поэтому цель настоящей статьи можно определить как исследование развития явления наемничества и его роли в социально-политической жизни Тарента во второй половине IV – начале III в. до н. э., т. е. в тот период, о котором сохранились свидетельства, относящиеся к истории наемников.

Впервые о наемниках в Таренте упоминает Диодор в связи с изгнанием из Сиракуз Агафокла (XIX, 4, 1), который после ссоры с вождами правящей в этом городе олигархической группировки – Гераклидом и Сосистратом – и авантюрной попытки захвата Кротона в Италии был принят на службу тарентинцами и попал в отряд наемников (*ταξθεὶς [σχ. ἀΓαθοκλήης. – Д.В.] δὲ παρα τοῖς Ταραντινοῖς ἐν τῷ τῶν μισθοφορῶν ταῆχει*), которым он, по-видимому, стал командовать (XIX, 4, 2). Очевидно, эти события относились к периоду между 320 и 317 гг. до н. э.² К сожалению, нельзя точно установить источник приведенного Диодором сообщения³, но, возможно, им был труд Тимея⁴. Хорошая осведомленность автора о событиях, проявившаяся в многочисленных подробностях изложения перипетий судьбы самого Агафокла и связанных с ним городов Южной Италии, не дает оснований сомневаться в достоверности повествования.

Диодор упоминает о том, то Агафокл с наемниками совершил много смелых дел (*πολλὰ καὶ παραβοῆλοις ἐγγείρωεν πράττειν*), но был заподозрен тарентинцами в стремлении осуществить государственный

переворот (*εἰς ὑποψίαν ἦδ' ἔτι καινοτομεῖν*) и оказался вынужден покинуть Тарент (XIX, 4, 1-2). Речь как будто идет о военных подвигах будущего сиракузского тирана на тарентской службе. Возможно, параллельным приведенному рассказу Диодора предстает сообщение Страбона, в котором упоминаются иноземные полководцы, принятые в разное время на службу жителями Тарента, а среди них и Агафокл (Strabo. VI, 3, 4. С. 280). Порядок, в котором они перечислены, таков: Архидам, Александр Молосский, Клеоним, Агафокл и Пирр. Если он верен, то деятельность Агафокла в качестве тарентского стратега следует отнести к периоду между экспедицией Клеонима (303 – 302 гг. до н. э.) и смертью Агафокла в 289 г. до н. э. В это время он уже установил единоличную власть в Сиракузах.

Однако современные исследователи расходятся в оценке адекватности такой последовательности, принимая во внимание то, какое место в ней должен занимать Агафокл⁵. Сомневаться в правильности этой последовательности означает признать, что Агафокл выступил в качестве одного из так называемых кондотьеров Тарента в период между 320 и 317 г. до н. э., а не в более позднее время, когда он действовал в Италии уже в собственных интересах⁶. Поэтому нужно согласиться с тем, что подвиги Агафокла были совершены на военном поприще в один из тех напряженных моментов, когда Тарент особенно остро нуждался в поддержке извне. Иными словами, приходится считать, что тарентинцы во время пребывания у них на службе Агафокла вели серьезную войну с внешним врагом.

Между тем существуют свидетельства, которые позволяют оспорить это заключение. Ливий (IX, 14, 1-6) сообщает о неудачной попытке тарентинцев выступить посредниками накануне столкновения между римским войском во главе с консулом Папирием Курсором и самнитами в 319 г. до н. э.⁷, т. е. как раз в период пребывания Агафокла в Таренте. Римский историк приводит характеристику, данную консулом жителям Тарента: «vanissimam ... gentem, quae suarum inpotens rerum prae domesticis seditiōibus discordiisque» («пустейший народ, неспособный решать собственные дела из-за внутренних смут и разногласий» – IX, 14, 5). Это свидетельство вполне отражает острую социальную ситуацию в Таренте, которая могла позволить Агафоклу надеяться на успех в случае переворота⁸, в

стремлении к которому, по свидетельству Диодора (XIX, 4, 2), его стали подозревать тарентинцы. Однако, судя по оценке, вложенной Ливием в уста своего персонажа, главные трудности Тарент испытывал не во внешней политике, а в домашних делах. Более того, представляется, что только отсутствие серьезной внешней угрозы позволило его жителям вмешаться в конфликт между римлянами и самнитами: ведь один из их постоянных противников – мессапы – был, по-видимому, подчинен в ходе экспедиции Александра Молосского⁹, а другой – луканы – оказался вовлечен в римско-самнитское противостояние. Наконец, само вступление тарентинцев в самнитскую войну в качестве посредников, их стремление не допустить вмешательства римлян в южноиталийские дела и выраженная ими в ходе переговоров угроза принять сторону самнитов в случае продолжения военных действий – все это свидетельствует об изменении военно-политической ситуации на юге Италии. Во время походов Александра Молосского самниты выступили в качестве союзников его противников – луканов и бруттиев – и, следовательно, были врагами Тарента, интересы которого защищал Молосс (Liv. VIII, 17, 9). Теперь же тарентинцы поддерживали самнитов против римлян, с которыми Александр заключил союз (Just. XII, 2, 12)¹⁰.

Все сказанное не позволяет разделить мнение об Агафокле как одном из «кондотьеров» Тарента в период между 320 и 317 гг. до н. э., как не позволяет признать возможность ведения Тарентом крупной войны в это время¹¹, хотя, разумеется, не исключает вероятности мелких столкновений тарентинцев с соседями, в ходе которых мог отличиться Агафокл. Но если это так, то приходится признать, что Тарент мог позволить себе содержать наемников в сравнительно мирное время. Потребность в них могла быть связана с необходимостью противодействия тем самым *seditiōibus discordiisque*, о которых пишет Ливий, а также быстрого реагирования в случае возникновения внешней угрозы.

К сожалению, сообщение Диодора не содержит информации о численности и составе отряда тарентских наемников. Эти данные и сведения о дальнейшей судьбе наемников нужно искать в других источниках.

В следующей книге своего труда Диодор отмечает (XX, 104, 2), что спартанец Клеоним, переправившись в Италию по просьбе

тарентинцев, в ходе кампании 303 – 302 гг. до н. э. набрал в войско не менее пяти тысяч наемников. Правда, текст не дает возможности установить, идет ли речь об использовании постоянного наемного отряда, находившегося на службе у полиса, или о специальной вербовке воинов. Во всяком случае, судя по сообщению, потенциальный наниматель не испытывал бы затруднений с набором войска в Южной Италии¹².

Еще одно свидетельство о существовании отряда наемников в Таренте относится только ко времени экспедиции Пирра (280 – 272 гг. до н. э.). Дионисий Галикарнасский, описывая битву при Аускуле, упоминает наемников в составе тарентинской конницы¹³ и пехоты (Dion. Hal. XX, 1, 1; 1, 3). Согласно сообщению этого автора, пешие наемники-италиоты (*τουὺς ἐῆκ του Ἰταλιώτην μισθοφοῦρους ἢ Ἰταλιώτην*) занимали место на правом фланге построения войска эпирского царя, сразу за македонской фалангой (Dion. Hal. XX, 1, 1-4). Такая позиция должна свидетельствовать о высоких боевых качествах отряда, которые, как можно предположить исходя из текста Дионисия Галикарнасского, проявившись в ходе сражения против первого римского легиона¹⁴, выгодно отличали наемников от гражданского ополчения Тарента (Dion. Hal. XX, 2, 4-6; 3, 1). К этим же наемникам может быть отнесено и упоминание Плутарха о том, что Пирр, возвратившись с Сицилии, пополнил свое войско перед битвой при Беневенте лучшими воинами из числа тарентинцев (*τῶν Ταραντιῶνων τοῦς κρατιῆστοις* - Plut. Pyrrh. 24, 8).

Анализ этих свидетельств позволяет сделать ряд важных наблюдений. Во-первых, Дионисий Галикарнасский подчеркивает, что тарентские наемники были италиотами, итальяскими греками. Это сообщение соответствует рассказу Диодора о принятии в отряд наемников Агафокла, вероятно, вместе с его сторонниками. Можно предположить, что Тарент был заинтересован в вербовке наемников-греков, в которых, как явствует из приведенного указания Диодора по поводу экспедиции Клеонида, в Южной Италии недостатка не было. Во-вторых, место, которое, по словам Дионисия Галикарнасского, занимали тарентские наемники в боевой линии Пирра, – между македонской и амбракийской фалангами (Dion. Hal. XX, 1, 4) – дает основание предполагать, что и сами они могли образовать

фалангу и, следовательно, являлись тяжело-вооруженными воинами – гоплитами¹⁵. Возможно, все три отряда – македонский, амбракийский и тарентских наемников – составляли единое построение. В-третьих, наемники были наиболее боеспособной частью тарентского войска, но не заменяли собой гражданского ополчения¹⁶.

Суммировав данные о наемниках Тарента, приводимые античными авторами, можно высказать предположение о том, что этот полис, по крайней мере с начала 20-х гг. IV в. до н. э., содержал отряд гоплитов, наемников из греков-италиотов. Из-за разрозненности сообщений источников нельзя с уверенностью говорить о том, существовал ли он постоянно на протяжении всего периода от появления в Таренте Агафокла до экспедиции Пирра. Однако то, что существование такого отряда зафиксировано и в военное, и в относительно мирное время, свидетельствует в пользу обоснованности предположения о постоянстве его пребывания в Таренте¹⁷. Во всяком случае, появление отряда наемников не было вызвано только внешними факторами – военной угрозой или необходимостью вести военные действия. Представляется, что более важными в данной ситуации оказались факторы внутренние, связанные с основными тенденциями развития общественной и хозяйственной жизни Тарента, определившими ход его социально-политической эволюции во второй половине IV в. до н. э.

Если создание наемного отряда в Таренте отвечало указанным тенденциям, то потребность в нем должна была быть постоянной. В связи со сказанным следует обратить внимание на тот факт, что, когда Агафокл прибыл в Тарент, отряд наемников уже, по-видимому, существовал. Также и его отстранение от службы (*ἀῆπολυθεῖς καὶ ταυῆτης τῆς στρατείας* – Diod. XIX, 4, 2) не означало, очевидно, роспуска этого отряда. Что же касается экспедиции Пирра, то источники ничего не сообщают о вербовке им наемников, хотя много говорят о мобилизации граждан (Plut. Pyrrh. 16, 1-3; App. Samn. 8, 2; Zon. 8, 2). Следовательно, появление тарентского наемного отряда в эпирском войске не могло быть вызвано только подготовкой к большой войне с Римом¹⁸. Эти косвенные данные в совокупности, как кажется, позволяют предположить, что отряд наемников существовал в Таренте в указанный период постоянно.

Когда же наемный отряд появился в Таренте? Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к упоминавшемуся отрывку из «Географии» Страбона (Strabo. VI, 3, 4. С. 280), содержание которого восходит, вероятно, к Тимею¹⁹. Приведем его фрагмент, важный для исследования вопроса: «Некогда тарентинцы при демократическом образе правления обладали чрезвычайным могуществом потому, что владели самым большим флотом в этом месте и выставляли войско в 30 000 пехотинцев, 3 000 всадников и 1 000 “начальников” конницы. Они стали последователями пифагорейской философии, особенно же Архит, который долгое время стоял во главе Тарента. Впоследствии, однако, ввиду процветания города роскошь настолько усилилась, что общенародных праздников у них было больше, чем [рабочих] дней в году. В силу этого управление городом ухудшилось. Одним из доказательств дурных порядков у них было то, что они принимали на службу чужеземных полководцев» (пер. Г.А. Стратановского).

Из текста следует, что одним из проявлений ухудшения социально-политической ситуации в Таренте Страбон считал приглашение иностранных полководцев. Это случалось в момент возникновения угрозы для Тарента, связанной с ведением внешней войны. Полководцы привозили с собой собственные или наемные войска, но действовали всегда при поддержке тарентинцев и прочих италиотов, без военной силы которых были обречены на поражение. По словам Страбона (Strabo. VI, 3, 4. С. 280-281), Александр Молосский потерпел поражение и погиб потому, что вступил в конфликт с тарентинцами. Позже Клеоним был смещен с поста стратега и вынужден был покинуть Южную Италию также, по-видимому, из-за недовольства союзников-италиотов его действиями (Diod. XX, 105, 1).

Войск, пришедших вместе с приглашенными полководцами, было недостаточно для ведения войны без финансовой и военной поддержки италиотов. Однако ко времени Пирра ситуация изменилась, и в коалиции италийских народов и эпирского царя главную роль уже играли отряды последнего. Вероятно, это было связано с сокращением числа граждан-воинов, выставляемых италиотами. Некоторое представление о динамике этого процесса дают возможность составить свидетельства, касающиеся истории Тарента. Ес-

ли Страбон (VI, 3, 4. С. 280) говорит о тридцати тысячах пеших воинов и четырех тысячах всадников, которые Тарент мог выставить в эпоху процветания, завершившуюся правлением Архита в середине IV в. до н. э., то Диодор (XX, 104, 2), излагая события, связанные с предприятием Клеонима, имевшим место в самом конце IV в. до н. э., называет лишь двадцать тысяч внесенных в военные списки пехотинцев и две тысячи конных воинов. Сознательная недостаточную надежность выводов, основанных на сопоставлении единичных числовых данных, полученных из разных источников, все же, как кажется, можно признать, что приведенные свидетельства верно отражают тенденцию изменения количества гоплитов и всадников в войске Тарента на протяжении второй половины IV в. до н. э. В таких условиях возникала необходимость компенсировать за счет набора наемников стремительное сокращение численности пеших и конных воинов-граждан, которые, как показали события экспедиции Пирра, все менее были способны отстаивать свой город на поле боя.

Примечательно, что Страбон не упоминает наемников в своем описании военных сил Тарента в эпоху его расцвета. Поэтому можно предположить, что наемный отряд был создан в этом полисе в период между эрой Архита²⁰ и временем службы в нем Агафокла, – именно тогда существование этого подразделения было впервые засвидетельствовано Диодором (XIX, 4, 1). Иными словами, в этот промежуток времени Тарент стал испытывать недостаток в воинах-гоплитах и всадниках. Его, по-видимому, предполагалось восполнить за счет привлечения на службу наемников из числа италиотов, которые, будучи греками, обладали необходимыми для гоплитского боя подготовкой, навыками и опытом и являлись в представлении нанимателей несравненно более лояльными, чем наемники-варвары.

Сокращение численности гражданского ополчения Тарента может быть связано с увеличением количества бедняков, неспособных выступать в роли гоплитов и тем более всадников. Аристотель в «Политике» (VI, 3, 5, 1320 b) пишет о жителях Тарента так: «... установив общность имущества для пользования неимущих (*τοις ἀποῤῥοις*), они располагают к себе тем самым народную массу». Исходя из этих слов можно заключить, что чис-

ло неимущих было немалым и они, вероятно, составляли значительную часть простого народа. В противном случае трудно представить, как оказание помощи лишь небольшой части демоса могло быть привлекательным для основной массы простых граждан. Феопомп же напоминает, что для простых граждан почти ежемесячно устраивались за государственный счет пиры (Theop. FgrHist. Vol. 2b, 115, fr. 233). Благодаря таким коллективным обедам достигался эффект единения жителей Тарента, способствующий снижению напряженности общественных отношений, вызванной усилением имущественной и социальной поляризации в среде тарентского гражданства. В другом месте «Политики» Аристотель отмечает чрезвычайную многочисленность тарентских рыбаков (Pol. IV, 4, 1, 1291 b), составлявших, по-видимому, значительную часть городского демоса. Это немаловажный факт, так как рыболовы, связанные с городским промыслом и городской жизнью, были в меньшей степени заинтересованы в защите хоры Тарента от возможных вторжений, чем те, кто был занят сельским хозяйством.

Данные, полученные в ходе археологических исследований сельской округи Тарента, несмотря на их незавершенность, также позволяют попытаться ответить на вопрос о причинах и времени пополнения гражданско-го ополчения наемниками. Так, Э. Греко отметил, что если в V в. до н. э. проявилась тенденция ухода населения с хоры в город и, следовательно, расширения границ последнего, то в IV в. до н. э. ситуация изменилась настолько серьезно, что возникает вопрос о том, не было ли проведено перераспределение земель в Таренте. По его мнению, которое кажется справедливым, акт передела земли следует связать с именем Архита²¹. Можно предположить, что усилия Архита, который сам являлся землевладельцем (Jamb. De vita Pyth. 197) и, возможно, даже автором посвященного земледелию трактата (Varro. De agri cultura. I, 1, 8; ср.: Diog. Laert. VIII, 82), были направлены на предотвращение концентрации населения в городе и на интенсивное освоение хоры. Его деятельность привела к росту числа граждан-землевладельцев, которые могли пополнить ряды гоппитов и, разумеется, были кровно заинтересованы в защите своих владений. Это обстоятельство, по-видимому, объясняет значительную численность воинов-

граждан в Таренте во времена Архита, о чем упоминает Страбон в цитированном отрывке, а также военные успехи самого Архита в должности стратега (Diog. Laert. VIII, 82)²².

Однако после смерти Архита ситуация в Таренте изменилась. Растущая угроза со стороны соседей – луканов, бруттиев и мессапов – заставила италиотов обращаться за поддержкой в Спарту и Эпир и, вероятно, вновь способствовала сокращению сельскохозяйственных угодий и уменьшению численности живущих за их счет земледельцев-гоппитов. Приведенные отрывки из сочинений Феопомпа и Аристотеля засвидетельствовали процесс обеднения части тарентских граждан. Со слов Аристотеля можно судить и о другом важном процессе – концентрации политической власти в Таренте в руках зажиточной верхушки, которая удерживала ее посредством ряда уступок демосу (VI, 3, 5, 1320 b)²³. Новая правящая группировка, по-видимому, и избрала путь замены сокращающегося числа граждан-гоппитов наемниками, которые в случае необходимости могли выступать в качестве военной опоры тарентской олигархии, противостоящей гражданскому ополчению²⁴.

Таким образом, появление в Таренте постоянного отряда наемников, который, вероятно, просуществовал вплоть до утраты полисом независимости в 272 г. до н. э., вызвано серьезными социально-политическими и экономическими переменами в жизни тарентинцев в 40 – 20-х гг. IV в. до н. э., когда на смену режиму Архита, искавшего поддержки граждан-земледельцев, пришла новая олигархическая группировка, богатство которой обеспечивалось, по-видимому, не владением земельными угодьями, а развитием городской экономики. Представляется, что олигархи инициировали практику приглашения иноземных полководцев и попытались решить с помощью наемников две важные задачи: пополнить гоппитское войско и создать себе военную опору в возможных внутренних конфликтах. Вероятно, именно эти их действия позволили Страбону дать негативную оценку политической ситуации в Таренте после смерти Архита.

Примечания

¹ Л. П. Маринович отмечала, что наемников в Балканской Греции в 80 – 60-х гг. IV в. до н. э. использовали как крупные, так и небольшие полисы в соответствии со своими финансовыми возможностями, а в более позднее время зависимость во-

енной силы полиса от его экономического потенциала стала еще сильнее: *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 70-71, 96. Вероятно, лишь немногие полисы имели достаточные ресурсы, чтобы содержать, особенно постоянно, значительные наемные силы. Несколько примеров из истории IV в. до н. э. подтверждают это положение. Так, в Фивах созданный Горгидом Священный отряд из трехсот человек получал от города содержание (*αἴσκησιν καὶ διῆταιν ... παρεῖξαι* – *Plut. Pelop.* 18, 1). Ксенофонт упоминает об элейском «отряде трехсот» (*Xen. Hell.* VII, 4, 12; 4, 16), но, к сожалению, не указывает источника его финансирования. Значительно больший по численности отряд аркадских эпаритов – их было 5 тысяч человек (*Diod. XV*, 62, 2; 67, 2) – мог существовать только за счет храмовой казны всего Аркадского союза (*Xen. Hell.* VII, 4, 33). Однако после прекращения выплат из этого источника в его составе продолжали находиться только те воины, которые могли сами обеспечивать себя (*Xen. Hell.* VII, 4, 34). В некоторых случаях граждане, не имея средств для оплаты услуг наемников, были вынуждены прибегать к иным способам расчета с ними, предоставляя им гражданские права, налоговые льготы и иные привилегии. См., например, для I в. до н. э.: *Виноградов Ю. Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 30-32.

² *Niese B.* Agathokles (15) // *RE.* Stuttgart, 1894. Bd. 1. Sp. 749; *Vattuone R.* Linee della politica di Agatocle in Magna Grecia // *RSA.* 1987 – 1988. Anni 17-18. P. 70, nota 61; *Berger S.* Revolution and Society in Greek Sicily and Southern Italy. Stuttgart, 1992. P. 21, 49. Некоторые исследователи предлагают более раннюю дату пребывания Агафокла в Таренте: *Kiechle F.* Agathokles (2) // *Der kleine Pauly.* Stuttgart, 1964. Sp. 118; *Urso G.* Taranto e gli *xenikoi strategoi.* Roma, 1998. P. 60-63, 107-108; *Idem.* Le fazioni filoromane in Magna Grecia dalle guerre sannitiche alla spedizione di Pirro // *Fazioni e congiure nel mondo antico.* Milano, 1999. P.143.

³ *Meister K.* Die sizilische Geschichte bei Diodor von den Anfängen bis zum Tod des Agathokles. Quellenuntersuchungen zu Buch IV – XXI. München, 1967. S. 138.

⁴ Цит. по: *Meister K.* Op. cit. S. 193, Anm. 32.

⁵ См.: *Wuilleumier P.* Tarante des origines a la conquête romaine. Paris, 1939. P. 91, 96-97; *Urso G.* Roma «città greca»: nota a Strabone V 3, 5, 232 // *Aevum.* 2001. Anno 75, № 1. P. 29; *Idem.* Taranto e gli *xenikoi strategoi.* P. 107. Ср.: *Pais E.* Storia dell' Italia antica. Roma, 1925. Vol. 1. P. 248-249.

⁶ О военных предприятиях Агафокла в Южной Италии после установления им единоличной власти в Сиракузах см.: *Wuilleumier P.* Op. cit. P. 96-97; *Vattuone R.* Linee della politica di Agatocle ... P. 55-72; *Landucci Gattinoni F.* L'interesse di Agatocle per l'Adriatico nella tradizione storiografica antica // *Aevum antiquum.* 1999. Vol. 12. P. 113-131.

⁷ По мнению Дж. Урсо, тарентинцы не ограничились только дипломатической поддержкой самнитов в войне против римлян: *Urso G.* Taranto e gli *xenikoi strategoi.* P. 63-64.

⁸ Высказывалось предположение, что Агафокл мог выступать сторонником тарентских демократов: *Ciaceri E.* Storia della Magna Grecia. Milano; Genova; Roma; Napoli, 1932. Vol. 3. P. 17; *Berger S.* Op.cit. P. 21, note 48. Ср.: *Urso G.* Le fazioni filoromane ... P. 144.

⁹ *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Berlin; Leipzig, 1922. Bd. 3, Abteilung 2. S. 597-599; *Urso G.* Taranto e gli *xenikoi strategoi.* P. 56.

¹⁰ Возможно, альянс тарентинцев с самнитами сложился еще во время экспедиции в Италию Александра Молосского или даже еще раньше – во время правления Архита: *Urso G.* Le fazioni filoromane ... P. 136-137; *Idem.* Taranto e gli *xenikoi strategoi.* P. 47-51, 64.

¹¹ *Beloch K. J.* Op. cit. S. 599; *Ciaceri E.* Storia della Magna Grecia. Vol. 3. P. 18. Ср.: *Wuilleumier P.* Op. cit. P. 89-90; *Urso G.* Taranto e gli *xenikoi strategoi.* P. 56.

¹² Источником наемничества в значительной степени могли быть греки – изгнанники и беглецы, которых во множестве порождала изменчивая социально-политическая ситуация в полисах Южной Италии. Так, Агафокл после того, как покинул Тарент, собрал из изгнанников отряд, с которым оказал помощь Регию против сиракузского войска Гераклида и Сосистрата (*Diod. XIX*, 10, 3-4). Приблизительно в то же время кротонские изгнанники предприняли попытку вернуться в родной город с помощью трехсот наемников (*Diod. XIX*, 4, 2). Примечательно, что Диодор, сообщая о составе войска спартамца Клеонима (*XX*, 104, 2), различал ситуации набора наемников и рекрутирования воинов у народа мессапов. Это позволяет предположить, что наемное войско составляли греки.

¹³ К сожалению, в источниках чрезвычайно мало информации, которая бы могла позволить проследить особенности развития наемничества среди всадников. Можно предположить, что причины появления наемников в коннице были в основном те же, что и в гоплитском войске.

¹⁴ Дионисий Галикарнасский отметил, что правый фланг, на котором находились наемники, был самой сильной частью войска Пирра (*XX*, 2, 3). Упоминаемое затем бегство тарентинцев (*XX*, 2, 6) относится, по-видимому, только к воинам гражданского ополчения.

¹⁵ В том случае, если бы наемники были пельтастами, они, вероятно, должны были защищать открытый правый фланг македонян, а не располагаться между ними и амбракиотами в середине правого крыла. Дионисий Галикарнасский подчеркивает, что Пирр расположил легковооруженных воинов отдельно, позади строя на флангах (*XX*, 1, 4)

¹⁶ Остается неясным, на каком основании К. Джаннелли (*Giannelli C. A. L'intervento di Archidamo e di Alessandro il Molosso in Magna Grecia* // *CS*. 1969. Anno 8, fasc. 1. P. 1) заключает, что большая часть тарентского войска состояла из наемников, вопреки данным Диодора (XX, 104, 2) и Страбона (VI, 3, 4. С. 280) о численности гражданского ополчения Тарента.

¹⁷ Примером таких постоянных отрядов могут служить упоминавшиеся фиванский Священный отряд и аркадские эпариты.

¹⁸ Источники не сообщают о каких-либо действиях, связанных с вербовкой наемников тарентинцами ни до, ни после прибытия в Италию Пирра.

¹⁹ *De Sensi Sestito G. Taranto post-architea nel giudizio di Timeo. Nota a Strabo VI, 3, 4, C.280* // *Miscellanea greca e romana*. Vol. 11. P. 87-89.

²⁰ Окончание ее исследователи датируют по-разному. Одни относят смерть Архита ко времени около 345 г. до н. э. (*Ulano R. Le strategie autocratiche di Archita* // *RIL*. 1989. Vol. 123. P. 127; *Ursio G. La morte di Archita e l'alleanza fra Taranto e Archidamo di Sparta (345 a. C.)* // *Aevum*. 1997. Anno 71, № 1. P. 69-70; *Idem. Taranto e gli xenikoi strategoi*. P. 11-15; *Idem. L'opposizione antitarantina e filoromana nella lega italiota* // *RIL. Classe di lettere e scienze morali e storiche*. 1998. Vol. 132, fasc. 1. P. 150), другие – к 50-м гг. IV в. до н. э. (*De Sensi Sestito G. Op. cit.* P. 93; *Giangiulio M. L'eredità di Archita* // *Alessandro il Molosso e i «condottieri» della Magna Grecia. Atti del quarantatreesimo convegno di studi sulla Magna Grecia. Taranto - Cosenza, 26-30 settembre 2003. Taranto, 2004. P. 65*).

²¹ *Greco E. Considerazioni su alcuni modelli di organizzazione dello spazio agrario nelle città greche dell'Italia meridionale* // *Archeologia. Rocznik Instytutu historii kultury materialnej Polskiej akademii nauk*. 1982. Vol. 33. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985. P. 57.

²² Военные успехи Архита в должности стратега (*Diog. Laert. VIII, 82*) могут объясняться энтузиазмом граждан, получивших в результате передела земельные участки и пополнивших гражданское ополчение Тарента.

²³ У исследователей нет единого мнения по поводу времени возникновения описываемых в этом фрагменте приемов, позволяющих олигархам добиться расположения простых граждан и тем самым упрочить собственную власть: *Wuilleumier P. Op. cit.* P. 177; *Ciaceri E. Storia della Magna Grecia*. Genova; Roma; Napoli; Città di Castello, 1940. Vol. 2. P. 455; *Sartori F. Problemi di storia costituzionale italiota*. Roma, 1953. P. 85; *Moretti L. Problemi di storia tarantina* // *Taranto nella civiltà della Magna Grecia. Atti del decimo convegno di studi sulla Magna Grecia. Taranto, 4-11 ottobre 1970. Napoli, 1971. P. 21-65*; *Sartori F. Prodromi di costituzioni miste in città italiote nel secolo V a. C.* // *Atti dell'Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti*. 1973. Classe di scienze morali, lettere ed arti. T. 131. P. 628; *Vattuone R. Scambio di beni tra ricchi e poveri nel IV secolo a. C. Note su Archita di Taranto* // *RSA*. 1976-1977. Anni 6-7, № 1-4. P. 289, 295-299; *Brauer G. C., Jr. Taras: Its History and Coinage*. New Rochelle; New York, 1986. P. 27-28; *Berger S. Op.cit.* P. 53.

²⁴ Эней Тактик (*De obs. tol. XIII, 1-4*) предлагал переложить основное бремя содержания наемников на плечи богатых граждан. Вероятно, такой способ мог применяться не только в осажденном городе, о котором пишет Эней. Однако в этом случае устанавливалась прямая зависимость наемных отрядов от их командиров из числа «наиболее надежных» граждан и состоятельных жителей полиса, которые могли пытаться использовать наемников в собственных интересах. Можно высказать предположение об аналогичном способе содержания наемников в Таренте, но в отсутствие прямых или косвенных свидетельств в пользу существования такой практики оно останется только догадкой.

TARANTINE MERCENARY FORCES FROM THE MIDDLE FOURTH TO THE EARLY THIRD CENTURY B. C.

D. V. Bubnov

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva str., 15

The practice of using mercenaries in Tarentum from the middle fourth to the early third century B. C. is under analysis. The main conclusion is that the polis had to maintain mercenary forces constantly. They were to compensate the reduction in number of the citizens-landowners who used to be the basic element for the Tarantine militia, and also to support the ruling oligarchy in the time of social crisis.